

Илья Мельников¹
ILJÂ MELNIKOV
HTTPS://ORCID.ORG/0000-0003-4962-0705

Rocznik Teologiczny
LXIII – z. 2/2021
s. 511-555
DOI: 10.36124/rt.2021.19

«Святая старина»: иконы старообрядческих моленных

Устюженского уезда Новгородской губернии²

**“Svâtaâ starina”: ikony staroobrâdčeskikh molennyh
Ustûženskogo uезда Novgorodskoj gubernii**

**“Sacred Antiquity”: The Icons of Old Believers’
Houses of Prayer in Ustyuzhensky district
of Novgorod Province**

Ключевые слова: старообрядчество, федосеевцы, филипповцы, иконы, древнерусское искусство, локальные святыни.

Key words: Old Belief, Theodosians, Philippians, Icons, Medieval Russian Art, Local Shrines.

Резюме

В статье на основе архивных материалов и памятников древнерусской живописи XVI – XIX вв., хранящихся в коллекции Новгородского государственного музея-заповедника, реконструируется состав иконных собраний старообрядческих общин Устюженского уезда Новгородской губернии. Благодаря работе с архивными и музейными фондами удалось выявить более 16 памятников иконописи, происходящих из молитвенных домов федосеевского

¹ Кандидат культурологии Илья Мельников, Лаборатория этнологии и истории культуры Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия.

² Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта №19-312-60001.

и филипповского согласий. Высказывается предположение об их месте в старообрядческом культе и особенной роли, которую эти памятники играли в поддержании идентичности локальных сообществ местных староверов федосеевского и филипповского согласий. Также благодаря анализу архивных источников можно охарактеризовать место древних икон в культурном ландшафте региона, отношении к ним со стороны крестьян.

Abstract

On the basis of archival materials and monuments of icon painting of the 16th – 19th centuries, preserved in the collection of the Novgorod National Museum-Complex, the article reconstructs the composition of the icon collections of the Old Believer communities of the Ustyuzhensky district of the Novgorod province. Due to work with archival and museum funds, it was possible to identify more than 16 Old Russian and Old Believer icons, originating from the prayer houses of the Theodosian and Philippian denominations. An assumption is made about their place in the Old Believer cult and the special role that the identified monuments played in preserving the identity of local communities of Old Believers. Also, due to the analysis of archival sources, it is possible to characterize the place of ancient icons in the cultural landscape of the region, the attitude of peasants towards them.

Одной из важных задач в исследовании старообрядчества является выявление и описание памятников иконописи, находившихся в собраниях моленных, скитов и монастырей староверов. Этот вопрос актуален в связи с необходимостью атрибуции предметов, хранящихся в государственных и частных коллекциях. Первоначальной целью настоящего исследования было выявление в коллекции Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (далее – НГОМЗ) памятников иконописания, некогда принадлежавших старообрядческим общинам³. Однако, благодаря архивным источникам, исследование

³ Аналогичным задачам, в том числе относительно старообрядческих общин Новгородского региона, посвящены работы Н. В. Пивоваровой (см.: Pivovarova 2011; 2017).

которых являлось одной из наших задач, появилась возможность получить гораздо более целостную картину бытования древнерусских икон, а также дать характеристику отношения к ним со стороны верующих. Интерес представляет не только особенное почитание памятников дореформенной иконописи староверами, но и их место в механизмах формирования «святых мест» старообрядческих сообществ. Таким образом, наша первоначальная цель была несколько расширена и дополнена рассмотрением озвученных выше вопросов.

Для достижения поставленной цели мы решили изучить конкретный случай старообрядческих общин Устюженского уезда Новгородской губернии. В сер. XIX в. они принадлежали к радикальным федосеевскому и филипповскому согласиям. Первоочередной задачей было выявление и анализ делопроизводственных документов XIX в., в которых достаточно содержательно была бы представлена история конфискации икон, характеризовалось отношение к ним со стороны крестьян-староверов, а также содержались описи имущества моленных региона. Важной задачей было сопоставление архивных данных с памятниками иконописи и материалами фонда микрофильмов, имеющимися в собрании НГОМЗ. Стоит отдельно обозначить, что в задачу настоящего исследования не входила характеристика иконографических и стилистических особенностей выявленных икон.

Особенное почитание старообрядцами предметов церковной старины – достаточно широко известный факт. Древнерусское искусство являлось для «ревнителей древлего благочестия» культурным образцом. Однако в стяжании староверами памятников культуры Древней Руси видится также другой аспект. Старообрядческому вероучению свойственны эсхатологические настроения, в свете которых оцениваются как церковные реформы XVII в., так и новшества в русской жизни, появившиеся при Петре I.

(Bessonov 2014, 94–120; Šahov 2002, 182–197). Дореформенная Русь, таким образом, стала частью нарратива о *золотом веке* христианства, который был исполнен проявлениями божественной «благодати» – чудес исцеления, избавления от напастей и т. д. При этом «последние времена», к которым относится современность, демонстрируют оскудение этой благодати. По замечанию О. Ю. Тарасова, особое почитание икон в старообрядчестве выступало в тесной связи с идеями о безблагодатности окружающего мира (Tarasov 1995, 120–121). Стремление староверов приобретать и чествовать предметы дониконовской старины можно интерпретировать и как попытку своеобразной апроприации священной силы этих объектов, которой столь скудна современность. В отдельных случаях собирание подобных предметов свидетельствовало о статусе владельцев и в конечном итоге привело к появлению феномена личных коллекций, в которых дониконовские иконы маркировались особыми владельческими записями (Preobraženskij 2012).

На ранних этапах развития старообрядчества чествование древних икон имело ярко выраженные народные черты. Уже в XVIII в. старообрядческие сообщества некоторых регионов демонстрируют тенденцию к формированию собственной системы почитаемых святынь, которые, вслед за Т.Б. Щепанской, можно было бы назвать *кризисной сетью* (Šepanskaâ 1995). Например, свои особенно чтимые реликвии (в том числе иконы) с начала XVIII в. имелись в Выговской пустыни, а также у староверов Припечорья в XVIII – первой трети XIX в. (Ūhimenko 2002, 226–241; Plaksina 2016). Почитаемые объекты были своего рода центрами притяжения старообрядцев, живших, порой, на значительном расстоянии друг от друга, и приходивших на поклонение святыне.

Помимо общих предпосылок формирования сети святых мест в пространстве сельской культуры, можно предложить несколько дополнительных интерпретаций данному явлению,

связанных с собственно старообрядческой спецификой. Процессы конфессионализации⁴ в XVIII – нач. XIX в. остро ставили вопрос об ограждении приверженцев *старой веры* от соприкосновения с чуждой конфессиональной средой. Серьезной помехой в этих стремлениях было сосредоточение паломнической инфраструктуры в руках государственной церкви. Старообрядческое сообщество отстаивало свою идентичность в том числе с помощью многочисленных запретов соприкосновения с внешним миром (Smilânskaâ 2003). Паломничества к древним святыням, почитаемым и старообрядцами, и *мирскими*, приводили к смешению с новообрядческим населением, которое совершалось под предлогом приобщения к благодати дониконовской церкви. Другими словами, возникала угроза тому, что П. Бергер назвал *структурами достоверности*, подразумевая под этим термином убеждение в исключительной правоте собственных практик, покоящееся на отсутствии соприкосновения с иной конфессиональной культурой (Berger 2019, 59–62). Отсюда очевидное стремление староверов иметь свои почитаемые реликвии. Также отметим, что предметы дореформенной старины обладали священным статусом сами по себе, являясь носителями благодати древней церкви, которую старообрядцы демонстративно стремились привлечь на свою сторону. Вполне традиционная логика „чем больше святыни, тем правильнее благочестие” (Tarasov 1995, 19–31) для старообрядцев должна была быть особенно актуальной.

Случай староверов Устюженского уезда подтверждает озвученные выше положения. Средоточием *святости* для местных староверов были их моленные, выполнявшие важную функцию духовных центров. Первая информация о них относится к 1816 г.

⁴ О концепции конфессионализации применительно к старообрядчеству см.: Lavrov 2000, 60–74.

Благочинный Трофим Дунаев, священник Охонского прихода, отмечал, что *раскольничьи* молитвенные здания существуют в трех деревнях. По одной моленной находилось в дд. Пестово (Карельское Пестово) и Попово, два молитвенных здания имелось в д. Брикуново. Все деревни располагались в радиусе 16 верст от д. Гуськи, где в это время моленная еще не была зафиксирована (RGIA. F.815. Op. 16. D. 800. Fol. 156об.). Такое обилие молитвенных зданий, вероятно, объясняется принадлежностью местных староверов к двум различным согласиям – филипповскому и федосеевскому (RGIA. F.815. Op. 16. D. 800. Fol. 155). В описываемый период их отношения были достаточно нестабильны и во многом зависели от амбиций лидеров отдельных общин (Maľcev 2006, 231–264), поэтому каждая община нуждалась в собственном отдельном месте для молитвы. Оба согласия имели общее достаточно мрачное эсхатологическое вероучение, предполагавшее, что современный мир окончательно отпал от Бога. Отдельно процитируем слова благочинного, которые он приводил в качестве свидетельства подобных взглядов своих собеседников: „Святых ныне нет и не будет, говорят, а мы праведники иноки” (RGIA. F.815. Op. 16. D. 800. Fol. 156об.).

Таким образом, для местных старообрядцев современность была лишена благодати, а святость оставалась атрибутом идеализированного прошлого. Также обратим внимание на тот факт, что среди наставников д. Пестово (Карельское Пестово) имелся некий *живописец* Михаил Макаров (RGIA. F.815. Op. 16. D. 800. Fol. 156об.).

Более полное представление о жизни местных старообрядцев и внутреннем убранстве их моленных дают документы 1840-х гг. В 1835 г. по доносу Тверского архиепископа Григория было начато делопроизводство о деятельности федосеевской богадельни *на Тетёрках* Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. В ней служил, в числе прочих, наставник из д. Гуськи Устюженского

уезда Афанасий Фёдоров. В результате разбирательства был закрыт целый ряд моленных данного региона. Выяснилось, что в д. Гуськи действовало три молитвенных здания. Старейшая филипповская моленная была построена ранее 1780 г., примерно в 1780-х гг. здесь дополнительно появились федосеевский, а на рубеже XVIII – XIX вв. – второй филипповский молитвенные дома. Несмотря на то, что все они были построены до 1829 г., то есть до официальных запретов на возведение *раскольнических* молитвенных зданий, все эти строения подлежали уничтожению ввиду нелегальных починок, производившихся крестьянами (RGIA. F. 1284. Op. 200. 1843. D. 441. Fol. 3–7об.). В д. Карельское Пестово, наряду с филипповской моленной, упоминавшейся в документах 1816 г., в 1832 или 1833 г. появилась еще одна, федосеевская, существовавшая нелегально. Филипповский молитвенный дом также был достроен и расширен накануне дознания, что считалось незаконным (RGIA. F. 1284. Op. 200. 1843. D. 441. Fol. 82). В д. Брикуново к 1843 г. оставалась лишь одна, федосеевская моленная, выстроенная в начале XIX в. (RGIA. F. 1284. Op. 200. 1843. D. 441. Fol. 107). Наконец, отдельная *раскольническая* часовня имелась в небольшой д. Левково. Во время проходившего дознания 1840-х гг. жители этой деревни подали прошение о ее распечатании, чем вызвали недоумение властей, которые не знали ни о существовании этой моленной, ни о ее закрытии (RGIA. F. 1284. Op. 200. 1843. D. 441. Fol. 63).

Все описанные семь молитвенных домов были закрыты и опечатаны распоряжением губернского начальства в 1839 г., причем некоторые иконы, которые в них хранились, были вынесены крестьянами уже после опечатания. Первые описи имущества молитвенных зданий, не отличавшиеся особой подробностью, были составлены в 1844 г. (RGIA. F. 1284. Op. 200. 1843. D. 441. Fol. 74–83об.). Однако наиболее подробные описи появились спустя три года, во время уничтожения опечатанных моленных, на котором присутствовал лично новгородский

гражданский губернатор Ф. Васьков. Помимо наименования икон и богослужебных предметов, приводятся их точные размеры в аршинах и вершках, что позволяет частично реконструировать внутреннее убранство *раскольничьих* молитвенных зданий.

Федосеевская моленная в д. Гуськи на первом этаже обладала собранием в 103 образа. Из них 20 икон, имеющих практически одинаковый размер, явно относились к деисусному чину, включавшему изображения наиболее почитаемых новгородских и северных святых: Иоанна Новгородского, Варлаама Хутынского, Зосимы и Савватия Соловецких. На втором этаже хранилось 24 деревянных и медных образа. Старая филипповская моленная имела более скромное собрание из 22 икон. Его характерной особенностью являлось наличие 9 двухчастных образов, каждый из которых совмещал изображения деисусного и праздничного чинов. Однако, вероятно, учтены были не все иконы этого комплекса, о чем еще будет сказано в дальнейшем. Наконец, третья гуськовская моленная, также принадлежавшая филипповцам, обладала собранием в 49 деревянных и медных образов, 7 из которых, вероятно, составляли деисусный чин.

В филипповской моленной д. Пестово (Карельское Пестово) имелось 45 икон, значительное количество которых были меднолитыми. В описи этого молитвенного дома также выделяется 7 образов одинакового размера с изображениями Спасителя и святых, помещаемых в деисусном чине. Опись гораздо более скромного (в 13 икон) собрания местной моленной федосеевского согласия, также содержит намек на небольшой деисус, состоявший всего из 3 икон.

В федосеевской моленной д. Брикуново имелось 102 образа. Обращают на себя внимание 24 иконы расширенного деисусного чина, включавшие изображения двенадцати апостолов и многочисленных избранных святых.

После опечатания в 1835 г. все образа находились в моленных,

но часть из них была спасена верующими. При уничтожении молитвенных домов в 1849 г., иконы и богослужебные принадлежности, как это явствует из описей, 23 июля были отданы на хранение в Охонское удельное отделение. Однако власти приняли во внимание, что образа являлись частной собственностью крестьян. По этой причине в феврале следующего года они были возвращены верующим (RGIA. F. 1284. Op. 200. 1843. D. 441. Fol. 119). Впрочем, новообрядческая церковь все же успела наложить руку на святыни староверов. Иконы Божьей Матери, Параскевы Пятницы, Марии Египетской „и прочих шести жен”, Иоанна Крестителя, образ Спасителя, врезанный в доску, а также два *Часослова* и *Псалтырь* были признаны Новгородской духовной консисторией „противными православию и единоверию” и, вероятно, уничтожены. Некоторые из богослужебных принадлежностей, „не могущие быть в употреблении частных лиц”, были отданы в ближайший бедный приход государственной церкви (RGIA. F. 1284. Op. 200. 1843. D. 441. Fol. 114.119).

Однако на этом печальная история старообрядческих святынь Устюженского уезда не закончилась. Несмотря на предписание полиции „не заводить” впредь моленных, верующие все же не могли обойтись без отдельных мест совершения богослужений. В 1867 г. по доносу Новгородской духовной консистории была закрыта моленная в д. Брикуново на дому у крестьянина Матвея Селиверстова. Сам брикуновский мужик объяснил обилие икон в своем доме тем, что возвращенные в 1850 г. образа негде было хранить. В деле нет информации о том, были ли они изъяты вторично. Однако до 1869 г. моленная с образами, выстроенная на месте разрушенной десятью годами ранее, была еще опечатана, а ходатайства верующих о распечатании не были удовлетворены (RGIA. F. 1284. Op. 218.1868. D. 10. Fol. 1–9). В это же время (1869 г.), насколько можно судить из прошений крестьян, были изъяты и переданы в местную приходскую церковь иконы у староверов

д. Гуськи (RGIA. F. 1284. Op.218. 1881. D.13. Fol. 1). Благодаря более поздним документам становится известным, что образа изъяли сразу из двух незаконных моленных, действовавших в этой деревне. Иконы и книги передали в Ладожскую церковь Охонско-Федовской волости (RGIA. F. 1284. Op. 221. 1883. D.35. Fol. 35). Крестьяне Василий Никитин и Григорий Яковлев Панафидников, обвинявшиеся в устройстве моленных, даже были приговорены к наказанию кнутом, но помилованы царским указом (RGIA. F. 1284. Op. 221. 1883. D.35. Fol. 4–4об.). Наконец, в 1890 г. Новгородская духовная консистория „до особого распоряжения” передала для хранения на хорах Софийского собора 3 деревянные иконы, две ставротеки с медными образками, а также два медных распятия (ОПНГМЗ. F. 11. Op. 1. Ed. hr. 70).

Впрочем, далеко не все образа сохранялись после конфискации. В 1894 г. Новгородская духовная консистория вынесла неутешительный вердикт иконам, изъятым в доме наставника д. Гуськи Ивана Богданова. Вероятнее всего, часть этих икон мы знаем по описям 1849 г. Восемь образов (две иконы Николы Чудотворца, две иконы Тихвинской Богородицы, а также Кирилла Белозерского, пророка Илии, Воскресения Христова, архангела Михаила), которые церковные чиновники сочли „годными для чествования”, были переданы в Антипинскую единоверческую церковь Череповецкого уезда. Остальным семи образам (Николы Чудотворца, Вознесения Господня, Иоанна Предтечи, архангела Михаила, *Не рыдай Мене, Мати, Положение во гроб*, Спасителя), которые оказались „ветхими с стертою мастикою и с неправильным изображением лика Спасителя и Святых”, повезло меньше. Новгородское духовенство постановило предать их „уничтожению через сожжение в присутствии Членов и Секретаря Консистории и пепел от них опустить в реку Волхов” (RGIA. F. 1284. Op. 222. 1894. D. 124. Fol. 1–1об.).

Таким образом, нам известно, что некоторые образа, указанные

в описи 1849 г., в деревнях Брикуново и Гуськи изымались как минимум два раза. Отдельно стоит сказать об иконе Тихвинской Богородицы, изъятой полицией в 1896 г. из *раскольнической часовни*» д. Левково, располагавшейся на дому крестьянина Антона Трофимова (RGIA. F. 1284. Op. 222. 1899 g. D. 69. Fol. 3об.). История ее бытования тесно связана с культурным контекстом народного почитания святынь, на котором бы хотелось остановиться подробнее.

Документы доносят сведения об особенном почитании местными староверами своих образов. В 1816 г. благочинный Охонского прихода писал: „Древние иконы, хотя бы почти и лику не видно было, почитают, а нынешних гнушаются с поруганием” (RGIA. F. 815. Op. 16. D. 800. Fol. 156). Другими словами, с точки зрения священника, для старообрядцев древности материала было достаточно для почитания, сам образ имел вторичное значение. Такое народное представление об иконопочитании шло вразрез с церковно-догматическим, которое ставило в центр внимания не сам предмет, а изображение, восходящее к *первообразу* (Bel'ting 2002, 176–190). Подобное отношение к практике иконопочитания сложно назвать новым в народной православной традиции, в некоторых случаях оно находило свое материальное выражение и ранее⁵. Почтительное отношение местных староверов к доскам косвенно подтверждается и описями: в 1849 г. среди имущества федосеевской моленной д. Гуськи и филипповской моленной д. Пестово пристав зафиксировал „отколки от двух образов

⁵ Например, если верить утверждению Е.В. Савина, в случае с написанием образа Св. Николы (XV в.) из Сольвычегодского Введенского собора, была вторично использована не только старая доска, но и грунт с древней иконы. В новый левкас, которым были восполнены утраты, добавлялись в том числе древесные волокна, предположительно, от старой иконной доски. Другими словами, как заключает автор, образ „создавался как святыня – из материалов, являющихся святынями”, и что „именно доска является главной драгоценностью иконы” (Savin 2012, 186).

неизвестных ликов”, а также 14 досок без изображения (RGIA. F. 1284. Op. 200. 1843. D. 441. Fol. 102об. и 105об.). С особенным почтением к материалу изготовления образов мы еще столкнемся, когда будем анализировать иконы местных старообрядцев, выявленные в собрании НГОМЗ. Впрочем, почитанием старины дело не ограничивалось, о чем свидетельствует замечание священника: „Много у них есть новых образов, их секты живописцами написанных” (RGIA. F. 815. Op. 16. D. 800. Fol. 156).

Наиболее ярко действенная сила священных предметов с точки зрения старообрядцев проявилась после закрытия моленных, конфискации и возвращения икон в 1835 – 1849 гг. Чиновник по особым поручениям МВД Ю.К. Арсеньев в 1854 г. отмечал, что само место, где находились разрушенные властями моленные, считалось священным: „места, где оныя находились остаются ничем не занятые; сектаторы считают святотатством коснуться земли, на которых стояли их моленные” (RGIA. F. 1284. Op. 208. D. 480v. Fol. 371). Вероятно, по этой же причине закрытый в 1869 г. молитвенный дом в д. Брикуново был выстроен на месте прежнего, разрушенного десятью годами ранее. Иногда, с точки зрения крестьян, святыня была способна противостоять самой репрессивной государственной машине. Приведем текст из отчета Ю.К. Арсеньева без сокращений:

Иконы и книги, находившиеся в уничтоженных моленных возвращены, по принадлежности, раскольникам. Это неосторожное действие немало содействовало к укоренению здесь раскола, ибо сектаторы, получив обратно свою святыню, поставили оную в известные дома и стали туда, с усиленным фанатизмом, собираться на моления, проповедуя, что еретическое начальство разломав дома святыне, не смело коснуться древних, настоящих икон, боясь кары небесной (RGIA. F. 1284. Op. 208. D. 480v. Fol. 370–371об.).

Отдельного внимания заслуживает упоминавшийся ранее образ из часовни д. Левково. Молитвенный дом был закрыт в 1896 г. по

прошению Новгородской духовной консистории. Спустя три года решение было отменено, а моленная вновь открыта. Предлогом к закрытию являлась местночтимая икона Тихвинской Богородицы. По словам благочинного:

[в] моленную Трофимова до закрытия ее в 1896 году стекалось до 200 человек богомольцев, в том числе много и православных из деревень – Алексеихи, Треблова и Новинки соседнего Вятского прихода, для служения молебнов по завету пред иконою Тихвинской Божией Матери на третий день Св. Пасхи. (...) Православным, (...) служились особые молебны в моленной только с запрещением им молиться, дабы не обмирщить «верных» <раскольников>. Пение в моленной в эти праздники бывало более громкое и хорошо слышное на улице (RGIA. F. 1284. Op. 222. 1899. D. 69. Fol. 5).

При закрытии часовни особо чтимая икона была конфискована (RGIA. F. 1284. Op. 222. 1899. D. 69. Fol. 3), однако крестьяне неоднократно продолжали ходатайствовать о ее возвращении (RGIA. F. 1284. Op. 222. 1899. D. 69. Fol. 3об.–7). Вероятно, их усилия увенчались успехом, т. к. более поздние полевые материалы содержат упоминание о местной почитаемой иконе (Mel'nikov 2019, 169).

Таким образом, д. Левково, располагавшаяся в 2½ верстах от приходского села Вятка, являлась местом притяжения крестьян в связи с имевшейся там сельской святыней, причем её почитание поддерживалось не только староверами, но и *мирскими*, ходившими к иконе по завету. В данном случае старообрядчество выступало институциональной основой, *санкционировавшей* формы народного культа. Обладание чудотворной иконой также подчеркивало статусность старой веры в глазах *мирского* крестьянства.

Дальнейшая судьба описанных выше икон долгое время оставалась неизвестной. Однако благодаря работе с фондами НГОМЗ удалось обнаружить часть богатого иконного собрания филипповских и федосеевских общин региона. В большинстве

случаев идентифицировать иконы удалось по размерам, относительно подробно указанным в описи. Однако в некоторых случаях имеются дополнительные опознавательные признаки. К прямым доказательствам принадлежности выявленных образов старообрядческим моленным Устюженского уезда, безусловно, относятся номера, проставленные на тыльных сторонах досок приставами при составлении описей 1849 г. К сожалению, такие номера сохранились лишь на двух иконах. Вероятно, после возврата образов владельцам в 1850 г., староверы предприняли попытку уничтожить следы пребывания святыни в руках у еретиков. Косвенными доказательствами, помимо размеров, является место бытования иконы до поступления в музейную коллекцию, а также иконографические и стилистические особенности, свидетельствующие о возможной принадлежности их старообрядцам. Стоит сказать, что значительное количество образов XVI – XVII в., выявленных нами в коллекции, до поступления в музей были под поздней записью. Однако как запись этих икон, так и стилистика оригинальных изображений XVIII – XIX вв. вполне соответствует канонам, принятым в беспоповском старообрядчестве.

Часть образов, конфискованных в 1869 г. у старообрядцев дд. Брикуново и Гуськи, были переданы в Ладожскую церковь, откуда потом, вероятно, попали в главный приход волости – ц. Св. Троицы с. Охона. В 1964 г., в результате обследования региона музейными сотрудниками, несколько икон, хранившихся в Троицкой Охонской церкви, были привезены в Новгородский государственный музей-заповедник. Это 11 образов: две выпилки из царских врат XVI в. с изображением Евангелистов Матфея (Ил. 1) и Марка (Ил. 2), отдельные изображения апостолов Фомы (Ил. 3) и Иакова (Ил. 4) нач. XIX в., образ Николы Чудотворца с житием XVII в. (Ил. 5), а также шесть икон из одного деисусного чина XVI в. с изображениями Николы Чудотворца (Ил. 6), апостола

Петра (Ил. 7), Архангела Михаила (Ил. 8), Спаса в силах (Ил. 9), Иоанна Предтечи (Ил. 10), Архангела Гавриила (Ил. 11).

Иконы евангелистов происходят из федосеевской моленной д. Гуськи (№ 93 и № 135 по описи). Можно предположить, что три одинаковые по размерам иконы евангелистов Марка, Луки и Матфея, зафиксированные в описи, были выпилками из одних царских врат. Образ Николы Чудотворца, стоящий под № 5 в описи гуськовской федосеевской моленной, также, вероятно, соответствует иконе, хранящейся в НГОМЗ. Однако в описи отсутствует уточнение о житийных клеймах иконы, что делает наше предположение более гипотетическим. Иконы апостолов Иакова (№ 15 по описи) и Фомы (№ 26 по описи), без сомнения, происходят из богатого деисусного чина федосеевской моленной д. Брикуново. Об этом свидетельствуют не только схожие размеры, но и сохранившиеся на тыльной стороне досок номера, проставленные приставом чернилами при составлении описи 1849 г. (Ил. 12). Интерес представляют иконы из деисусного чина XVI в.⁶ Написанные в классических традициях поздней новгородской школы, они хранились в иконостасе второй филипповской моленной д. Гуськи. В описи они стоят под №№ 9, 10, 12, 13 и 14. Благодаря документу мы также знаем, что гуськовские филипповцы обладали еще тремя образами из этого чина (Димитрий Солунский, Богородица и апостол Павел), которые пока что не удалось выявить. При этом в опись не попала еще одна икона из этого чина – Св. Никола Чудотворец. Возможно, образ этого наиболее почитаемого в народе святого удалось вынести из моленной, пока она стояла опечатанной.

Из икон, переданных в 1890 г. для хранения на хорах Софийского собора, уцелела лишь одна. Это образ Иоанна Предтечи и Архангела

⁶ Одна из икон этого чина – Архангел Михаил – в 1937 г. была передана в Боровичский краеведческий музей, откуда в 1988 г. поступила в НГОМЗ.

Гавриила из деисусного чина (Ил. 13). Эта икона демонстрирует достаточно показательный пример отношения к материальной стороне почитания образов, о которой мы говорили выше. Не вызывает сомнения, что в ранних описях оба изображения обозначены, как две отдельные иконы из филипповской моленной д. Гуськи, являвшиеся частью несохранившегося деисусного чина (№ 18 и № 19). Однако четыре десятилетия спустя, к моменту вторичного изъятия, два образа соединили в один. Данное предположение подтверждается техническими особенностями соединения доски из некогда двух самостоятельных панелей. При этом особенности композиционного расположения фигур свидетельствуют, что изображение было написано после соединения обеих досок. Учитывая, что под сохранившимся красочным слоем не имеется более раннего (это свидетельствовало бы о поздней записи), единственным логичным предположением будет то, что старое изображение из-за ветхости было полностью удалено, возможно, вместе с левкасом, две доски соединены воедино и на них написаны те же персонажи.

Из довоенных собраний музея происходит большая икона Троицы ветхозаветной XVIII в. (Ил. 14). Описание фиксирует икону с идентичным узнаваемым, почти квадратным, размером в федосеевской моленной д. Гуськи под № 15.

Ряд икон, происходящих из моленных Устюженского уезда, поступил в музейное собрание от частных лиц в нач. 2000-х гг. Так, икона Николы Зарайского XVIII в., хранившаяся в федосеевской моленной д. Брикуново (№ 34 по описи), по словам владельца, бытовала в д. Гуськи Пестовского района (Ил. 15). Оттуда же происходит образ *Чудо святого Георгия о змие* XVI в. (Ил. 16). В описи икон федосеевской моленной д. Гуськи, вероятнее всего, именно она поставлена под № 2. На первый взгляд, бросается в глаза явное несоответствие размеров с разницей приблизительно в 17,5 – 19 см в высоту и ширину. Это несоответствие можно

объяснить тем, что в описи размеры даны с учетом рамы, что и указано в соответствующей графе: „Георгия победоносца в рамке”. Из федосеевской моленной д. Гуськи, несомненно, происходит икона *Воскресение Христова* XVIII в. (Ил. 17). Она обозначена в описи под № 92 и была приобретена музеем у того же владельца, что и две предыдущие.

Достаточно любопытна редкая икона преподобного Антония Римлянина XVIII в., поступившая в фонды музея в начале 2000-х от Новгородской поморской старообрядческой общины (NGM KP 37208/1; DRŽ-1128/1). Несмотря на крайне плохую сохранность, уцелел оклад с описанием сцен из жизни новгородского преподобного. Это единственный из выявленных к настоящему моменту образов, хранившихся в собрании филипповской моленной д. Пестово (Карельское Пестово) (№ 15 по описи). Житийные иконы Антония Римлянина были довольно востребованы в старообрядческой среде. Известны подобные образа, написанные в Выговской пустыни (*Obrazy i simvoly staroj very* 2008, 95). Однако по ряду изобразительных особенностей эти иконы отличаются от той, что помещалась в филипповской моленной д. Пестово. Сцены жития на ней расположены лишь по правому и левому полю, читаются сверху вниз, сам Антоний в среднике изображен в рост.

К поздним поступлениям в музейную коллекцию относится образ Св. Николы XIX в. (NGM KP 38366; DRŽ-1175), находившийся в собрании федосеевской моленной д. Брикуново (№ 44 по описи). Судя по относительно небольшому размеру (52,5 x 44 см.) и святым, изображенным на полях, икона могла быть семейной. Такие образа, принесенные в старообрядческие моленные, составляли значительную часть убранства молитвенных помещений.

Наконец, дополнительным источником, дающим представление об иконных собраниях старообрядцев Устюженского уезда,

являются фотографии, снятые с имущества Троицкой Охонской церкви сотрудниками НГОМЗ в 1982 г. (NGM NV 19180/1 – 178; NGM NV 19193/1 – 7). Ряд икон, некогда конфискованных у староверов, также попал в прицел объектива исследователей. В отсутствии размеров сложно соотнести образа на фотографиях с теми, которые зафиксированы в описи. Тем не менее, это можно сделать, исходя из уже имеющихся визуальных данных. В частности, икона Иоанна Златоуста, вероятно, происходит из расширенного деисусного чина федосеевской моленной д. Брикуново (№9). Об этом свидетельствует не только стилистика живописи (о которой сложно судить ввиду плохого качества снимка и потемнения олифы), но и положение фигуры на пространстве доски. Как и на прочих иконах этого цикла (Апостол Фома и Апостол Иаков), фигура святого максимально заполняет собою средник, нимб и часть одежд вынесена на поля, голова немного смещена вперед.

Также можно предположить, что из старообрядческих собраний региона происходят две двухчастные иконы, совмещавшие образа деисусного и праздничного чинов в филипповской моленной д. Гуськи. На фотофиксации 1982 г. запечатлен образ *Вход в Иерусалим и Богоматерь* (Ил. 18), который соответствует № 5 в описи 1849 г. Кроме этой иконы, в Охонской церкви хранилось изображение неизвестного преподобного (на фото по слабо читаемой надписи можно предположить, что это Варлаам Хутынский) с образом *Введение во храм* в верхней части (Ил. 19). Несмотря на то, что обе иконы явно создавались для одного чина, второй образ отсутствует в описи. Вероятно, в документе не обозначен целый ряд икон комплекса. Это подтверждается отсутствием упоминания других двенадцатых праздников, которые обязательно должны были присутствовать в праздничном чине: Воздвижение Креста, Успение и др. Таким образом, не вызывает сомнений, что, несмотря на отсутствие в описи, икона *Введение во храм и Варлаам Хутынский*

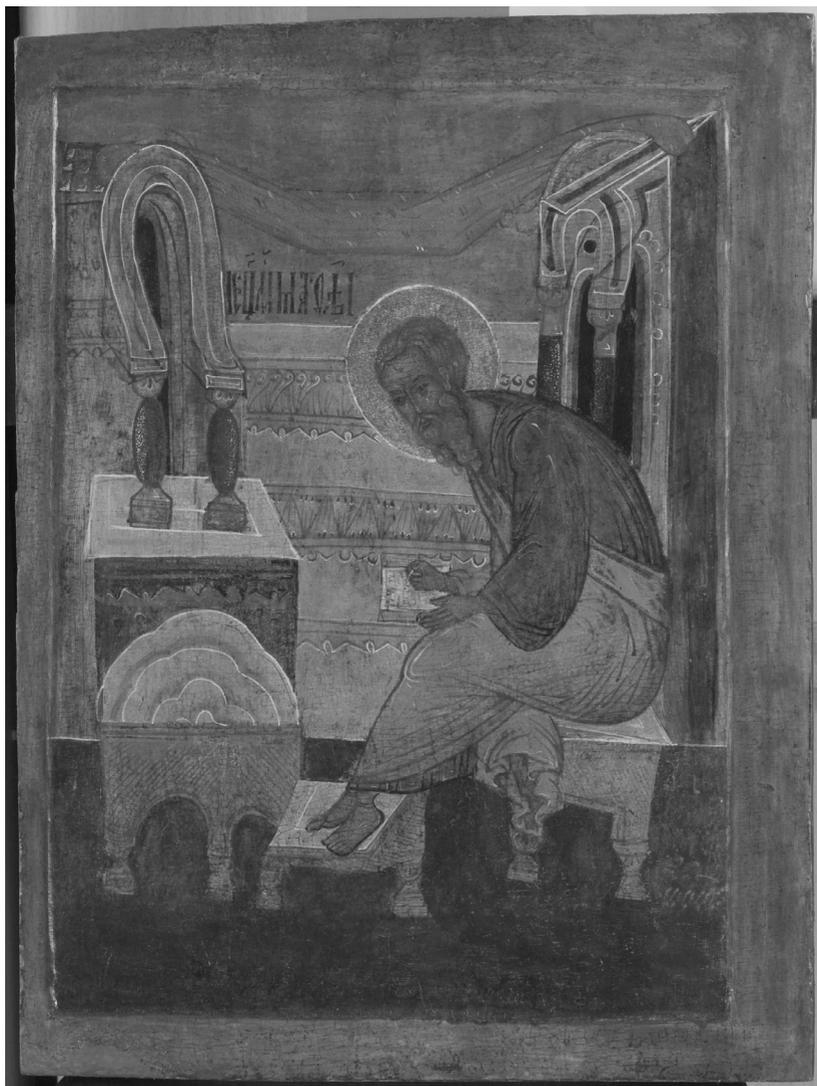
также принадлежала филипповцам д. Гуськи.

Наконец, несколько икон на фото из Охонской церкви лишь гипотетически можно отнести к убранству старообрядческих моленных. Так, две иконы Тихвинской Богородицы (Ил. 20) и *Огненное восхождение Ильи Пророка* (Ил. 21), Спас Вседержитель и неизвестный преподобный из деисусного чина (Ил. 22) вполне соответствуют старообрядческим вкусам, а иконы с подобными сюжетами имеются в выявленных описях.

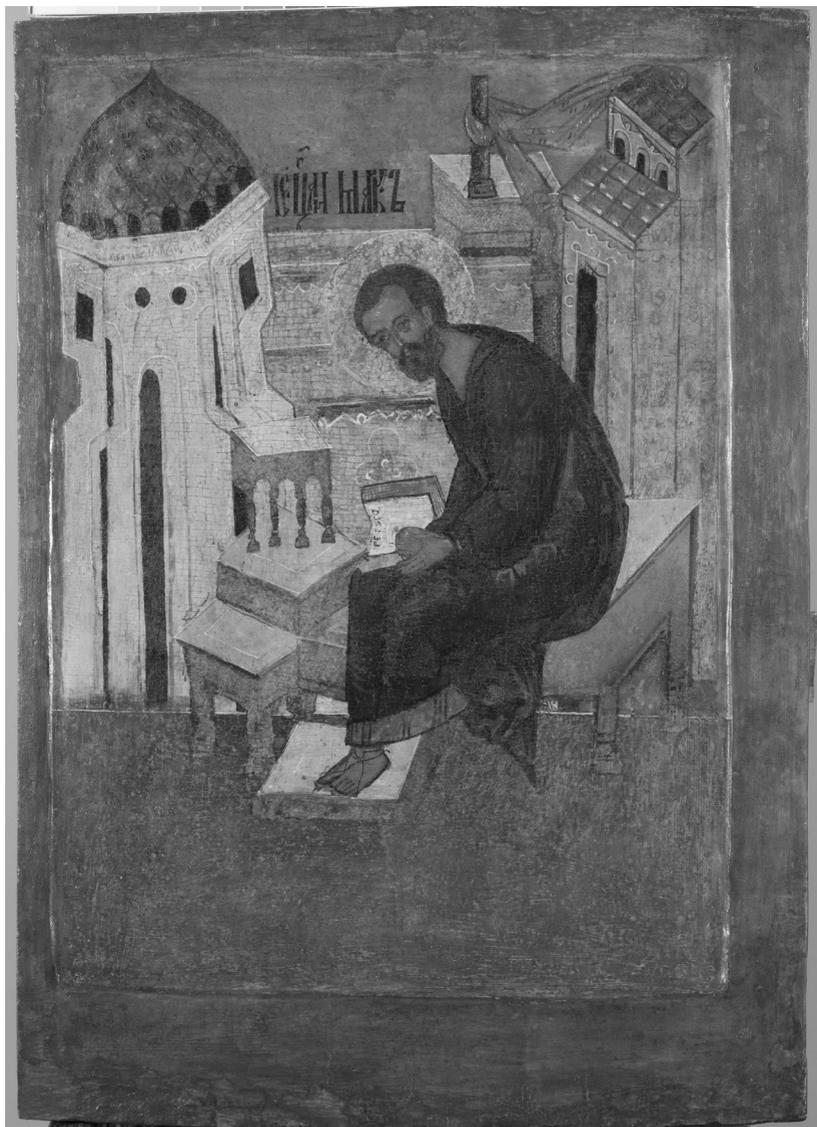
В результате настоящего исследования появилась возможность частично реконструировать иконные собрания старообрядческих молитвенных домов Устюженского уезда. Из выявленных в коллекции НГОМЗ икон и их изображений 18 можно с достаточной уверенностью отнести к образам, принадлежавшим местным филипповцам и федосеевцам. Еще 5, запечатленных на фотографиях, можно отнести к старообрядческим собраниям с некоторой долей вероятности. Благодаря исследованию также становится понятным специфическое отношение местных староверов к своим иконам. Значительная часть из выявленных образов (9 из 18) написана в XVI – XVII вв., что, безусловно, было известно старообрядцам. Этот период являлся, с точки зрения *ревнителей древлего благочестия*, веком процветания истинной веры, а древние иконы были вместилищем благодати дореформенной церкви. Ряд образов принадлежит поздней новгородской школе иконописи. Иконы демонстрировали способность влиять на чиновников и собирать вокруг себя приверженцев старой веры, наделяли местные общины особым статусом обладателей древнерусской святыни. Сам материал изготовления, в свою очередь, также пользовался почитанием. Можно сказать, что иконы во многом способствовали укреплению старообрядчества в данном регионе. Молитвенные дома фактически стали аналогом *святых мест* и объектом локального

культа, а специфические оттенки народного иконопочитания легитимировались беспоповским вероучением, полагавшим, что благодатью было наделено давно прошедшее время *Святой Руси*, оставившее свой след на священных предметах.

Открытым остается вопрос, откуда старообрядцы приобрели древние иконы, а также кто занимался их поновлением и написанием новых? Можно предположить, что технические задачи решались иконописцами либо Братского Двора и Преображенского богаделенного дома в Москве, либо с. Кимры Тверской губернии, либо староверческих центров Ярославской губернии, с которыми поддерживали связь местные федосеевцы и филипповцы. Наконец, нельзя списывать со счетов и упоминавшегося наставника-иконописца Михаила Макарова, жившего в д. Карельское Пестово в нач. XIX в.

Ил. 1. Евангелист Матфей (выпилка из царских врат, XVI в. (?)). Из федосеевской моленной д. Гуськи (?) (НГМ КП 15501; ДРЖ-917).

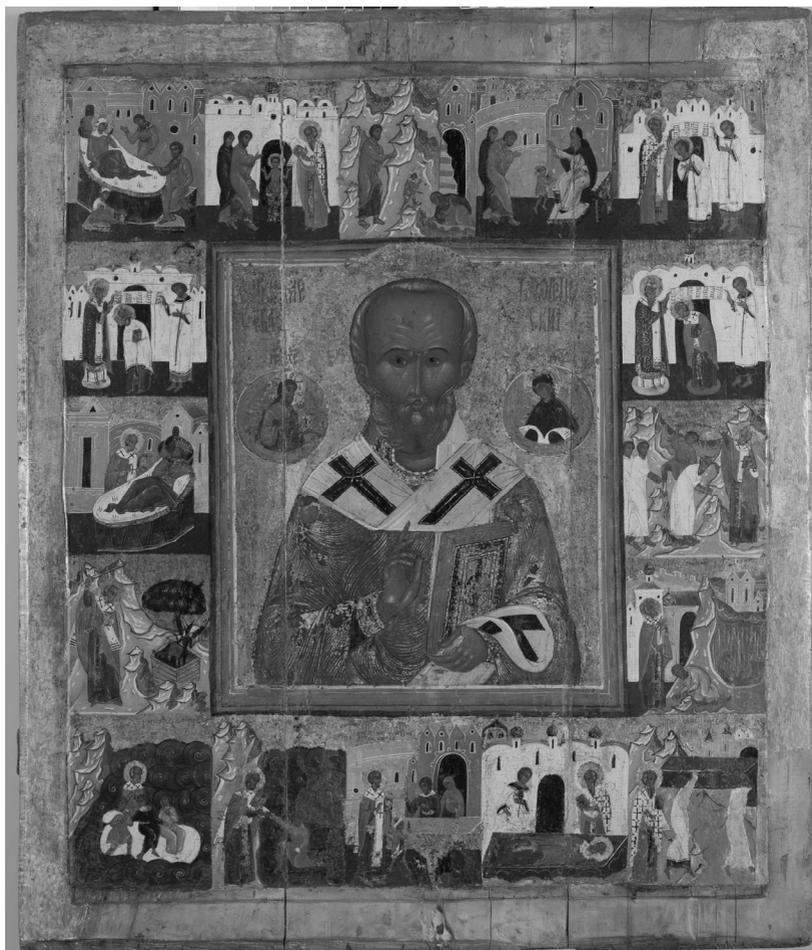
Ил. 2. Евангелист Марк (выпилка из царских врат, XVI в. (?)). Из федосеевской моленной д. Гуськи (?) (НГМ КП 15500; ДРЖ-772).

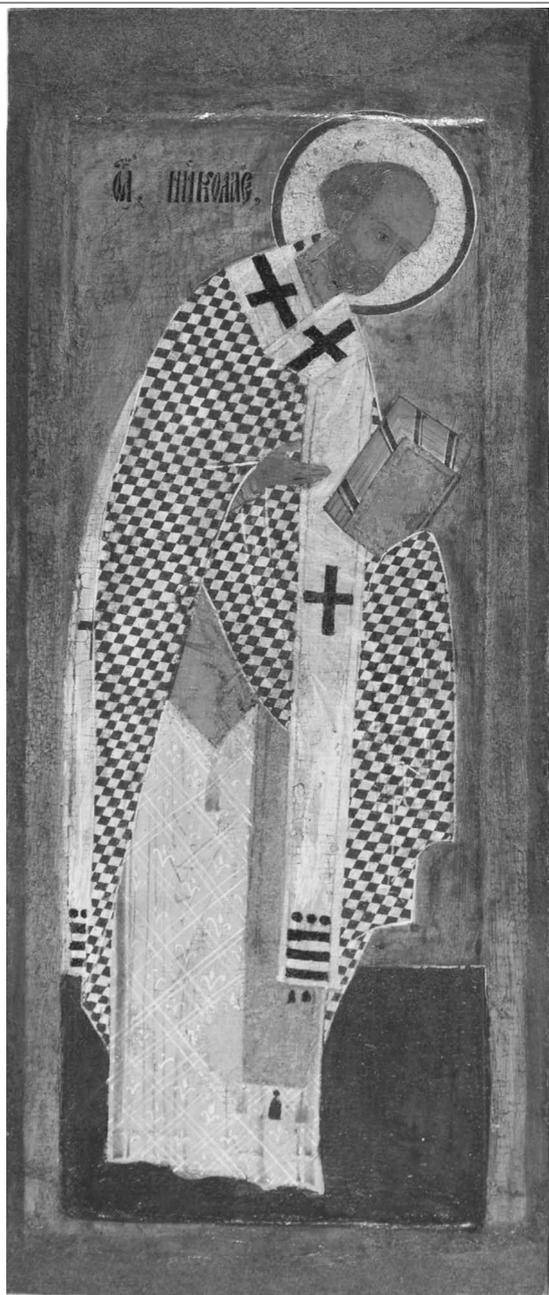
Ил. 3. Апостол Фома, нач. XIX в. Из федосеевской моленной д. Брикуново (НГМ КП 30008-1; ДРЖ-312).

Ил. 4. Апостол Иаков, нач. XIX в. Из федосеевской моленной д. Брикуново (НГМ КП 30008-1; ДРЖ-311).

Ил. 5. Никола Чудотворец с житием, XVII в. Из федосеевской моленной д. Гуськи (?) (НГМ КП 15499; ДРЖ-1216).

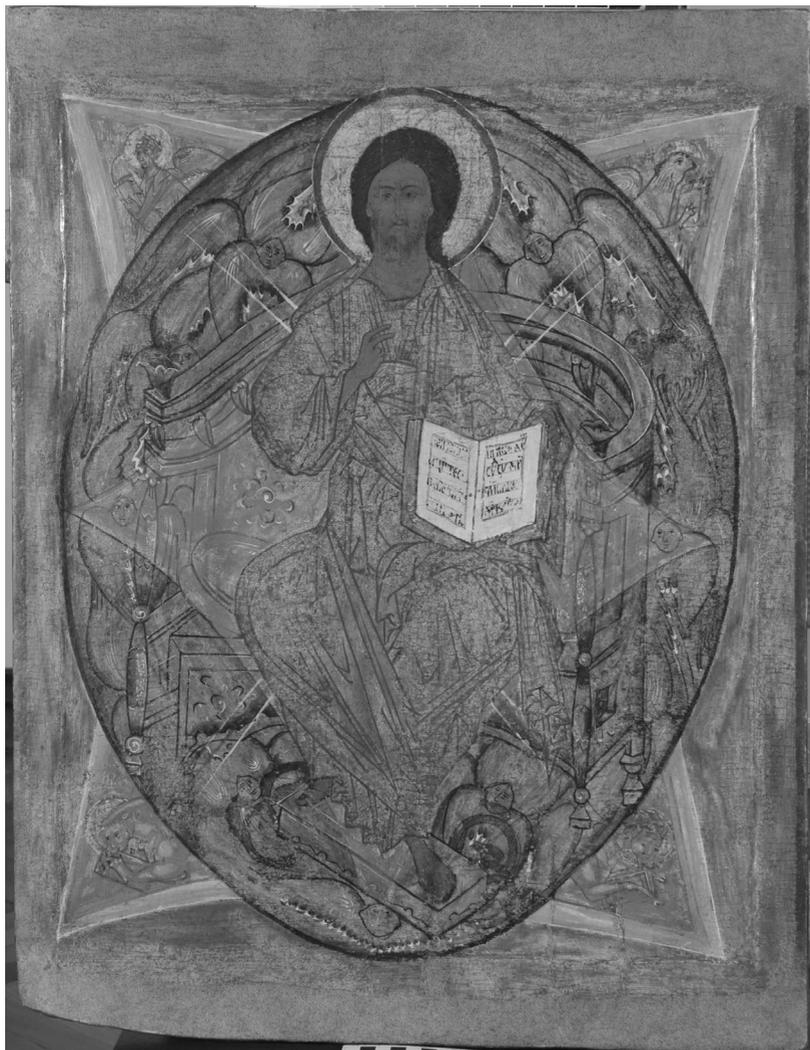
Ил. 6. Никола Чудотворец, XVI в. Из филипповской моленной д. Гуськи (?) (НГМ КП 15505; ДРЖ-218).

Ил. 7. Апостол Петр, XVI в. Из филипповской моленной д. Гуськи (?) (НГМ КП 15504; ДРЖ-770).

Ил. 8. Архангел Михаил, XVI в. Из филипповской моленной д. Гуськи (?) (НГМ КП 35647-33; ДРЖ-750).

Ил. 9. Спас в силах, XVI в. Из филипповской моленной д. Гуськи (?) (НГМ КП 15502; ДРЖ-217).

Ил. 10. Иоанн Предтеча, XVI в. Из филипповской моленной д. Гуськи (?) (НГМ КП 15506; ДРЖ-771).

Ил. 11. Архангел Гавриил, XVI в. Из филипповской моленной д. Гуськи (?) (НГМ КП 15503; ДРЖ-769).

Ил. 12. Номер, проставленный приставом на тыльной стороне доски иконы «Апостол Фома» (НГМ КП 30008-2; ДРЖ-312).

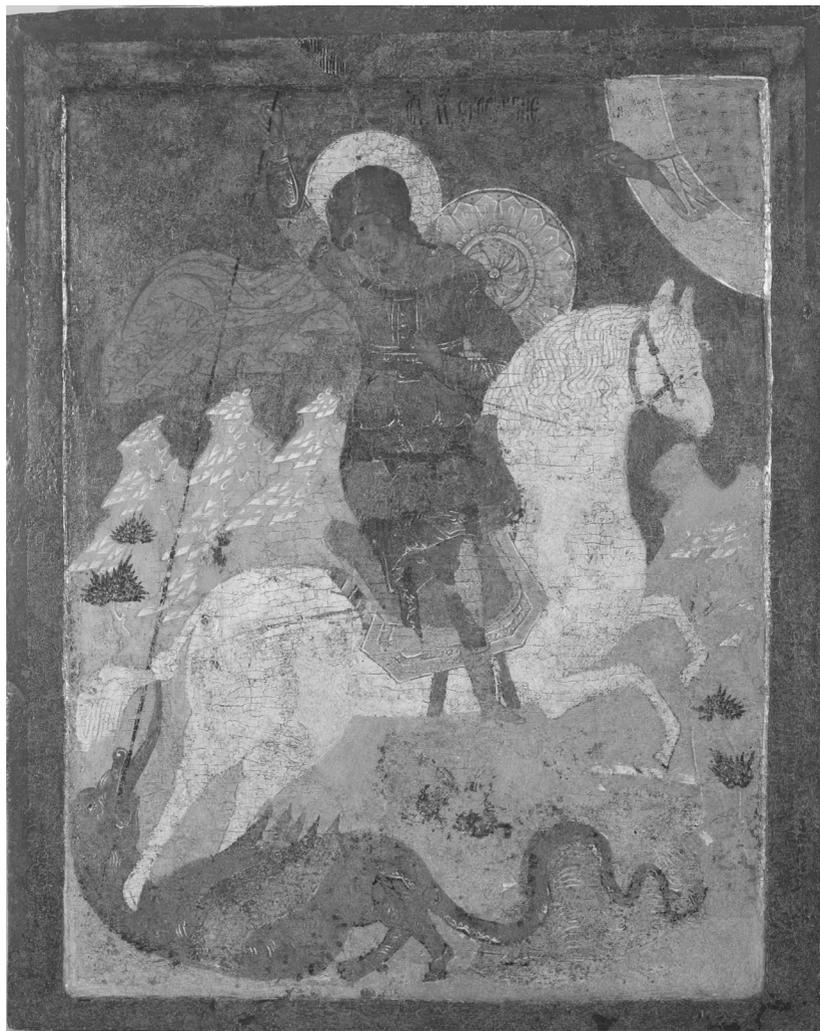
Ил. 13. Иоанн Предтеча и Архангел Гавриил, XIX в. Из филипповской моленной д. Гуськи (?). (НГМ КП 2893; ДРЖ-25).

Ил. 14. Троица Ветхозаветная, XVIII в. Из фодосеевской моленной д. Гуськи (?) (НГМ КП 30072-3; ДРЖ-322).

Ил. 15. Никола Зарайский, XVIII в. Из федосеевской моленной д. Брикуново (НГМ КП 38503; ДРЖ-1397).

Ил. 16. Чудо святого Георгия о змие, XVI в. Из федосеевской моленной д. Гуськи (НГМ КП 38504; ДРЖ-1398).

Ил. 17. Воскресение Христова, XVIII в. Из федосеевской моленной д. Гуськи (НГМ КП 38502; ДРЖ-1270).

Ил. 18. Вход в Иерусалим, Богоматерь. Из филипповской моленной д. Гуськи (?)
(фотофиксация имущества Троицкой церкви с. Охона, 1982 г. НВ_19180-111).

Ил. 19. Введение во храм, Варлаам Хутынский. Из филипповской моленной д. Гуськи (?)
(фотофиксация имущества Троицкой церкви с. Охона, 1982 г. НВ_19180-126).

Ил. 20. Богоматерь Тихвинская (фотофиксация имущества Троицкой церкви с. Охона, 1982 г. НВ_19180-81).

Ил. 21. Огненное восхождение Ильи Пророка (фотофиксация имущества Троицкой церкви с. Охона, 1982 г. НВ_19180-83).

Ил. 22. Неизвестный преподобный (фотофиксация имущества Троицкой церкви с. Охона, 1982 г. НВ_19180-114).

Библиография

- Bessonov, Igor' Aleksandrovič. 2014. *Russkaâ narodnaâ eshatologiâ: istoriâ i sovremennost'*. Moskva: Gnozis.
- Bel'ting, Khans. 2002. *Obraz i kul't. Istoriâ obraza do epohi iskusstva*. Moskva: Progress-Tradiciya.
- Berger, Piter. 2019. *Svâšennaâ zavesa: elementy sociologičeskoj teorii religii*. Moskva: Novoe Literaturnoe Obozrenie.
- Lavrov, Aleksandr Sergeevič. 2000. *Koldovstvo I religiâ v Rossii. 1700 – 1740 gg.* Moskva: Drevlehraniliše.
- Mal'cev, Aleksandr Ivanovič. 2006. *Staroobrádčeskie bespopovskie soglasiâ v XVIII – načale XIX v. Problema vzaimootnošenij*. Novosibirsk: Sova.
- Mel'nikov, Iljâ Andreevič. 2019. „Staroobrádčestvo Ustûženskogo uezda Novgorodskoj gubernii v XIX – XX vv.: dinamika rasseleniâ I konfessional'nye vzaimosvâzi.” W *Novgorodskij istoričeskij sbornik 18 (28)*. Otv. red. Petr Grigorjevič Gajdukov, 153–181. Velikij Novgorod: Izdatelstvo Novgorodskogo Universiteta.
- Obrazy I simvoly staroj very. Pamâtniki staroobrádčeskoj kul'tury iz sobraniâ russkogo muzeâ*. 2008. Sostavitel' izdaniâ Nadežda Valerjevna Pivovarova. Sankt-Peterburg: Palace Editions.
- Pivovarova, Nadežda Valerjevna. 2011. „Staroobrádčeskie molennye i skity Novgorodskoj gubernii v seredine XIX v. po materialam RGIA.” W *Novgorodskij istoričeskij sbornik 12 (22)*. Otv. red. Petr Grigorjevič Gajdukov, 233–247. Moskva, Sankt-Peterburg: Aljâns-Arheo.
- Pivovarova, Nadežda Valerjevna. 2017. *Staroobrádčeskaâ ikona v istoriko-kul'turnom kontekste XVIII - načala XX veka. Opyt sistematičeskogo analiza*. Moskva: BuksMArt.
- Plaksina, Nataliâ Evgenjevna. 2016. „Počitanie starinnykh ikon v Pustozerskoj volosti Mezenskogo uezda. Po pis'mennym istočnikam pervoj četverti XIX v.” *Vestnik arkhivista 4*: 25–38.

- Preobraženskij, Aleksandr Sergeevič. 2012. „K rannej istorii staroobryadčeskogo sobiratel'stva: ikony s hudožestvenno oformlennymi vladel'českimi nadpisyami konca XVIII – XIX veka.” W *Istoriya sobiraniya, hraneniya i restavracii pamyatnikov drevnerusskogo iskusstva*. Red. Elena Burenkova, 25–20. Moskva: INIKO.
- Savin, Sergej Vasiljevič. 2010. „Zabytaâ svâtynâ. Žitijnyj obraz svt. Nikolaâ iz sobraniâ GMO «Hudožestvennaâ kul'tura Russkogo Severa»”. W *Grabarevskie čteniâ VII. Meždunarodnaâ naučnaâ konferenciâ, 22–24 oktâbrâ 2008 g.* 183–187. Moskva: Skanrus.
- Smilânskaâ, Elena Borisovna. 2003. „Roľ zapreta v sohranении identičnosti konfessional'noj gruppy (po materialam staroobrâdčeskikh obšin).” W *Problemy identičnosti: čelovek I obšestvo nakanune Treťego tysyačeletiâ*. Red. Elena Alekseeva, 143–152. Moskva: ROO Kennan.
- Šahov, Mihail Olegovič. 2002. *Staroobrâdčeskoe mirovozzrenie. Religiozno-filosofskie osnovy i social'naâ poziciâ*. Moskva: Izdatel'stvo Rossijskoj Akademii Gosudarstvennoj Služby.
- Šepanskaâ, Tatjâna Borisovna. 1995. “Krizisnaâ set' (tradicii duhovnogo osvoeniâ prostranstva).” W *Russkij Sever: K probleme lokal'nyh grupp*. Red.-sost. Tatjâna Aleksandrovna Bernštam, 110–176. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Muzeâ antropologii I etnografii Rossijskoj Akademii Nauk.
- Tarasov, Oleg Ūrjevič. 1995. *Ikona i blagočestie: Očerki ikonnoogo dela v imperatorskoj Rossii*. Moskva: Progress-Tradiciâ.
- Ūhimenko, Elena Mihajlovna. 2002. *Vygovskaâ staroobrâdčeskaâ pustyn'.* *Duhovnaâ žizn' i literatura*. 1. Moskva: Ūzyki slavânskoj kul'tury.

Список использованных архивных источников

NGM NV 19180/1 – 178.

NGM NV 19193/1 – 7.

OPI NGOMZ. F. 11. Op. 1. Ed. khr. 70.

RGIA. F.815. Op. 16. D. 800.

RGIA. F. 1284. Op. 200. 1843. D. 441.

RGIA. F. 1284. Op. 208. D. 480v.

RGIA. F. 1284. Op. 218. 1868. D. 10.

RGIA. F. 1284. Op. 218. 1881. D. 13.

RGIA. F. 1284. Op. 221. 1883. D. 35.

RGIA. F. 1284. Op. 222. 1894. D. 124.

RGIA. F. 1284. Op. 222. 1899 g. D. 69.

CHRZEŚCIJAŃSKA AKADEMIA TEOLOGICZNA
w WARSZAWIE

Rok LXIII

Zeszyt 2

ROCZNIK TEOLOGICZNY

WARSZAWA 2021

REDAGUJE KOLEGIUM

dr hab. Jakub Sławik, prof. ChAT – redaktor naczelny

dr hab. Jerzy Ostapczuk, prof. ChAT – zastępca redaktora naczelnego

prof. dr hab. Tadeusz J. Zieliński

dr hab. Borys Przedpełski, prof. ChAT

dr hab. Jerzy Sojka, prof. ChAT – sekretarz redakcji

MIĘDZYNARODOWA RADA NAUKOWA

JE metropolita prof. dr hab. Sawa (Michał Hrycuniak), ChAT

bp prof. dr hab. Wiktor Wysoczański, ChAT

abp prof. dr hab. Jerzy Pańkowski, ChAT

bp prof. ucz. dr hab. Marcin Hintz, ChAT

prof. dr hab. Atanolij Aleksiejew, Państwowy Uniwersytet w Petersburgu

prof. dr Marcello Garzaniti, Uniwersytet we Florencji

prof. dr hab. Michael Meyer-Blanck, Uniwersytet w Bonn

prof. dr hab. Antoni Mironowicz, Uniwersytet w Białymstoku

prof. dr hab. Wiesław Przyczyna, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II w Krakowie

prof. dr hab. Eugeniusz Sakowicz, Uniwersytet Kardynała Stefana Wyszyńskiego
w Warszawie

prof. dr hab. Tadeusz Stegner, Uniwersytet Gdański

prof. dr Urs von Arx, Uniwersytet w Bernie

prof. dr hab. Piotr Wilczek, Uniwersytet Warszawski

Redakcja językowa – Kalina Wojciechowska

Skład komputerowy – Jerzy Sojka

W związku z wprowadzaniem równoległej publikacji czasopisma w wersji papierowej i elektronicznej Redakcja „Rocznika Teologicznego” informuje, iż wersją pierwotną jest wersja papierowa.

BWHEBB, BWHEBL, BWTRANS [Hebrew]; BWGRKL, BWGRKN, and BWGRKI [Greek]
PostScript® Type 1 and TrueType fonts Copyright ©1994-2013 BibleWorks, LLC.

All rights reserved. These Biblical Greek and Hebrew fonts are used with permission
and are from BibleWorks (www.bibleworks.com)

ISSN 0239-2550

Wydano nakładem

Wydawnictwa Naukowego ChAT

ul. Broniewskiego 48, 01-771 Warszawa, tel. +48 22 635-68-55

Objętość ark. wyd.: 17. Nakład: 100 egz.

Druk: druk-24h.com.pl

ul. Zwycięstwa 10, 15-703 Białystok

SPIS TREŚCI

ARTYKUŁY

- JAKUB ŚLAWIK, *O hermeneutycznych założeniach badań biblijnych* 371
- ŚLAWOMIR ZATWARDNICKI, *Pismo Święte w warsztacie teologa. Geralda O'Collinsa przewodnik korzystania z tekstów natchnionych* 389
- TOMASZ TEREFENKO, *Herod's Birthday Banquet and its Significance for Jesus and his Disciples in the Gospel of Mark* 411
- WOJCIECH SZCZERBA, *Kontrowersje wokół Orygenesusa. Casus Metodego z Olimpu* 427
- RAFAŁ PROSTAK, *Przypowieść o pszenicy w zmaganiach Kościoła z herezją w nauczaniu Augustyna z Hippony, Tomasza z Akwinu, Marcina Lutra i Jana Kalwina* 453
- ANDRZEJ POLASZEK, MARIA POLASZEK, *Kalwiński Psalterz Genewski (1562) jako źródło inspiracji luterńskiego kancjonału „Cithara Sanctorum” (1636) na tle procesów konfesjonalizacji protestantyzmu* 491
- Илья Мельников, «Святая старина»: иконы старообрядческих моленных Устюженского уезда Новгородской губернии 511
- MARCIN RZEPKA, *Migrujące obrazy. Fotografia w praktyce misyjnej Ludviga O. Fossuma. (Lutheran Orient Mission)* 557
- MONIKA WIŚNIEWSKA, *Warszawska administracja wyznaniowa 1950–1956. Wybrane zagadnienia* 587
- BORYS PRZEDPELSKI, *Geneza mariawityzmu i nieoficjalne relacje mariawicko-rzymskokatolickie w latach 1906-1939* 613
- HALINA GUZOWSKA, *110 lat prasy mariawickiej* 687
- BARTŁOMIEJ SŁOJEWSKI, *Sakralna twórczość muzyczna mariawitów a śpiewy cerkiewne* 725
- Wykaz autorów 765

Contents

ARTICLES

JAKUB SLAWIK, <i>On the Hermeneutic Premises in Biblical Research</i>	371
SLAWOMIR ZATWARDNICKI, <i>The Holy Scriptures Handled by a Theologian. Gerald O'Collins' Guide on Making Use of Inspired Texts</i>	389
TOMASZ TEREFENKO, <i>Herod's Birthday Banquet and its Significance for Jesus and his Disciples in the Gospel of Mark</i>	411
WOJCIECH SZCZERBA, <i>Controversies around Origen. Methodius of Olympus</i>	427
RAFAL PROSTAK, <i>The Parable of Wheat in the Church's Struggle Against Heresy in the Teachings of Augustine of Hippo, Thomas Aquinas, Martin Luther and John Calvin</i>	453
ANDRZEJ POLASZEK, MARIA POLASZEK, <i>Calvinistic Genevan Psalter (1562) as a Source of Inspiration for Lutheran Cantional "Cithara Sanctorum" in the context of the Protestant Confessionalization Process</i>	491
ILJÂ MELNIKOV, "Sacred Antiquity": <i>The Icons of Old Believers' Houses of Prayer in Ustyuzhensky district of Novgorod Province</i>	511
MARCIN RZEPKA, <i>Migrating pictures. Photography in the missionary practice of Ludvig O. Fossum. (Lutheran Orient Mission)</i>	557
MONIKA WIŚNIEWSKA, <i>Warsaw's Religious Administration 1950–1956. Selected Issues</i>	587
BORYS PRZEDPELSKI, <i>The Genesis of Mariavitism and Unofficial Relations between the Mariavite and Roman Catholic Church in the Years 1906–1939</i>	613
HALINA GUZOWSKA, <i>110 years of Mariavite press</i>	697
BARTŁOMIEJ SŁOJEWSKI, <i>Mariavite Sacral Music and Orthodox Chants</i> ..	735
List of authors	775

Wykaz autorów

Jakub Sławik, j.slawik@chat.edu.pl, Chrześcijańska Akademia Teologiczna w Warszawie, ul. Władysława Broniewskiego 48, 01-771 Warszawa

Sławomir Zatwardnicki, zatwardnicki@gmail.com, ul. Cz. Miłosza 14, 57-100 Strzelin

Tomasz Terefenko, terefenkotomasz@gmail.com, Wyższe Baptystyczne Seminarium Teologiczne, ul. Szczytnowska 58-59, 04-812 Warszawa

Wojciech Szczerba, w.szczerba@ewst.edu.pl, Ewangelikalna Wyższa Szkoła Teologiczna, ul. Św. Jadwigi 12, 51-253 Wrocław

Iljâ Melnikov, potep_88@mail.ru, 2 / 2 Chudintzeva str., Velikiy Novgorod, Rus-sia, 173003

Rafał Prostack, prostakr@uek.krakow.pl, Uniwersytet Ekonomiczny w Krakowie, Kolegium Gospodarki i Administracji Publicznej, Katedra Stosunków Międzynarodowych, ul. ul. Rakowicka 27, 31-510 Kraków

Andrzej Polaszek, Andrzej@polaszek.eu, os. Nadwarciańskie 3, 62-035 Trzykolne Młyny

Maria Polaszek, Marysia@polaszek.eu, os. Nadwarciańskie 3, 62-035 Trzykolne Młyny

Marcin Rzepka, marcin.rzepka@uj.edu.pl, Instytut Religioznawstwa, Ul. Grodzka 52, 31-044 Kraków

Borys Przedpelski, b.przedpelski@chat.edu.pl, Chrześcijańska Akademia Teologiczna w Warszawie, ul. Broniewskiego 48, 01-771 Warszawa

Halina Guzowska, inagie@poczta.onet.pl, ul. Człuchowska 9B m.3, 01-360 Warszawa

Monika Wiśniewska, mwisniewska@ihnpan.pl, Instytut Historii Nauki PAN, ul.
Nowy Świat 72, pokój A09, 00-330 Warszawa

Bartłomiej Słojewski, bslojewski000@gmail.com, ul. Tadeusza Kościuszki 88,
05-120 Legionowo